

Особенности изображения любви и брака в «Русалочьих сказках» А. Н. Толстого

«Русалочьи сказки» А. Н. Толстого тесно связаны со славянской мифологией и фольклором. Цель данной работы – выявить особенности изображения любви и брака в цикле и посмотреть на произведения писателя в соотнесенности со славянской мифологией, древнерусскими обычаями и традициями. Как сюжетообразующий мотив любовь и брак встречаются в четырех сказках: «Иван-царевич и Алая-Алица», «Соломенный жених», «Странник и змей» и «Звериный царь». В двух из них с главными мужскими образами показан счастливый конец в духе народных сказок. Иван-царевич и мужичок с локоток выдержали испытания, и свадьба становится им наградой. Сказки с главными женскими образами заканчиваются трагически, потому что героини Толстого испытывает сильные чувства не к человеку, а к иным существам. Хотя в финале сказок их смерть не является окончательной: Акулина превращена в иву плакучую, Василиса возрождается в васильках во ржи, но это жизнь другого рода – дерева, растения, а не человека, для которого возрождения или перерождения не предполагается.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, сказка, мотив, сюжет, образ, народная демонология, змей, этиологическая сказка.

Marina Zhirkova

Features of the Image of Love and Marriage in the "Mermaid Tales" by A. N. Tolstoy

"The Little Mermaid's Tales" by A. N. Tolstoy are closely connected with Slavic mythology and folklore. The purpose of this work is to identify the features of the image of love and marriage in the cycle and look at the works of the writer in relation to Slavic mythology, ancient Russian customs and traditions. As a plot-forming motif, love and marriage are found in four fairy tales: "Ivan Tsarevich and Alaya Alitsa", "The Straw Bridegroom", "The Wanderer and the Serpent" and "The Animal King". The two with the main male characters show a happy conclusion in the spirit of folk tales. Prince Ivan and a peasant with an elbow have passed the test, and the wedding becomes their reward. Fairy tales with the main female images end tragically, because Tolstoy's heroes have strong feelings not for a person, but for other creatures. Although in the finale of the fairy tales, their death is not final: Akulina is turned into a weeping willow, Vasilisa is reborn in cornflowers in rye, but this is a different kind of life – a tree, a plant for which rebirth is not expected.

Key words: A. N. Tolstoy, fairy tale, motif, plot, image, folk demonology, serpent, etiological fairy tale.

«Русалочьи сказки» А. Н. Толстого создавались в 1909–10-е гг. При первой публикации они входили в состав «Сорочьих сказок» [22], но при втором издании в 1923 г. в сборнике «Приворот» [21] писатель разделили их на два цикла. При таком разделении обозначилась адресность сказок: «Сорочьи» ориентированы на маленького читателя, тогда как «Русалочьи» на более старшего. В жанровом отношении «Русалочьи сказки» близки к быличкам и бывальщинам и повествуют они о встрече человека с низшими демоническими существами. У них особая жанровая установка – они учат остерегаться встречи с нечистой силой, не нарушать природные законы, поэтому не всегда такая встреча заканчивается победой человека, наоборот, во многих сказках показана его гибель.

Одним из мотивов «Русалочьих сказок» является любовь, которая проявляется по-разному. В «Русалке» это любовь старика к пойманной им русалочке, и заканчивается она смертью человека. В сказке «Иван да Марья» любовь брата спасает главную героиню. Любовь сестры помогает вернуть украденную девочку в сказке «Кикимора». «Синица» рассказывает о силе материнской любви, способной даже после своей смерти находиться рядом и оберегать сына. Как сюжетобразующий мотив любовь и брак встречаются в четырех сказках: «Иван-царевич и Алая-Алица», «Соломенный жених», «Странник и змей» и «Звериный царь». Цель данной работы – выявить особенности изображения любви и брака в «Русалочьих сказках» А. Н. Толстого, посмотреть на произведения писателя в соотнесенности со славянской мифологией, древнерусскими обычаями и традициями.

В сказке «**Иван-царевич и Алая-Алица**» брак ритуально-сказочный: герой спасает девицу и женится на ней – это сказочный финал многих волшебных сказок, кроме этого, Толстой здесь переплетает сюжет волшебной сказки с мифологическим. Центральным становится мотив освобождения весеннего солнца из зимнего плена и наступление весны. Сказка начинается с отлучки героя из дома: «Скучно стало Ивану-царевичу, взял он у матушки благословение и пошел на охоту» [20, с. 52]. Герой устремляется за зайцем, который, сначала превратившись в клубок, приводит его на лесную поляну к белому терему, потом, обернувшись вещью лунь-птицей, сообщает Ивану-царевичу, что там у старого жижя серебряными цепями прикованная сидит весенняя царевна – Алая-Алица, она-то и просит его о помощи.

Жиж (или жьж) – бог огня, его огонь и жар могут быть как согревающими землю, так и губящими посевы, несущими засуху [27, с. 251]. В словаре народных говоров также отмечается такое значение слова «жижа», как название

огня свечи, спички, лучины и т.п., например, на Смоленщине [19, с. 171], родине писателя. В сказке Толстого жиж сидит в тереме на нетопленной печурке, но он сам является воплощением огня и жара, поэтому ему не нужно тепло печи. Писатель упоминает медную голову, тогда у него желтовато-красноватое лицо. Думается, что он и сам может быть медным. Такое определение вызывает различные ассоциации: медный котел и медный лоб. Каждая из ассоциаций присутствует в сказке. В первом случае медный котел – это распространенная металлическая посуда для приготовления пищи на открытом огне. Жиж сам является вместилищем огня, когда он погибает, из него вырываются дым и огонь. Во втором значении – медный лоб – бессмысленно-упрямый и бестолковый человек [24, с. 145]. Как бы жиж ни пугал Ивана-царевича, тот легко побеждает демоническое существо, пустив золотую или солнечную (см., например у Проппа: «Золотая окраска предметов, связанных с тридесатым царством, есть окраска солнца» [16, с. 253]) стрелу в медную голову старого жижа. Золотая магическая стрела – деталь, указывающая на некую общность Ивана-царевича и весенней царевны. Он равен ей, поэтому он ее суженый, и ему удастся справиться с богом огня.

Алая-Алица – персонифицированное весеннее солнце. Подобный прием иносказания свойственен мифологическому сознанию [23, с. 443]. Алый – самый яркий оттенок красного, происхождение слова связано с пламенем [25, с. 39], от этого же корня образовано существительное. Имя героини можно расшифровать как Ярко-красное пламя. Она сказочная «ясная красавица», тогда как конкретный портрет героини отсутствует. Ее пленение – явление временное, она воплощение солнца, от нее зависит природный цикл, смена времен года. Зима традиционно воспринимается как временная смерть или сон всей природы. Белый терем в лесу – то же царство мертвых, о котором говорит В. Я. Пропп в своих исследованиях [16, с. 35]. Гибель жижа и освобождение царевны неизбежны, теперь герою нужно проявить свои способности и доказать, что он достоин царевны.

Поединок Ивана-царевича и жижа можно рассматривать как древний ритуал на рубеже календарного года, символизировавший обновление мира, переход к новой жизни [2, с. 143]. С убийством бога огня сгорает и белый терем: «Упал жиж, дым повалил у него изо рта, вылетело красное пламя и поняло терем» [20, с. 53]. В славянские ритуалы встречи весны входило разжигание костров, которым придавалось различное значение, в том числе – согреть весну [2, с. 111]. Огонь, уничтоживший терем, имеет в сказке также очистительное значение: очищение земли от хтонических существ и рождение весеннего солнца, пробуждение земли после зимнего сна [1, с. 350]. В данном случае жиж – вредоносная сила. Пленив красавицу и охраняя ее, он сам не покидает

терем, лишая землю тепла, а также весеннего солнца, продлевая тем самым пребывание на ней холодной зимы и мешая наступлению весны. По наблюдениям Т. А. Агапкиной, наступление весны и новолетия невозможно, пока не покончено с прошлым, пока старое, в чем бы оно ни воплощалось, присутствует в жизни, поэтому в славянском фольклоре о смене времен года значительное место занимают мотивы изгнания, уничтожения и очищения [2, с. 106].

После того как рухнул терем, «сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы. Распустились по деревьям клейкие листья» [20, с. 53]. Наступление весны вызывает общую радость: «прибежали тоненькие, синие еще от зимнего недоедания, русалки-мавки, закачались на деревьях; пришел журавль на одной ноге; закуковала кукушка; лешие захлопали в деревянные ладоши; позык аукался. Шум, гам, пение птичье...» [20, с. 53], что создает особую атмосферу весеннего праздника. Враг уничтожен, герой выдержал испытание и получил весеннюю царевну. Сказка завершается свадьбой Ивана-царевича и Алой-Алицы. Герой не только царевну спас, солнышко освободил, но и открыл новый природный цикл, не случайно сказка заканчивается весенним громом, который возвещает и о начале солнечных весенних дней, и о свадьбе: «И по синему небу раскатился, загрохотал апрельский гром.

И узнали все на свете, что Иван-царевич справляет свадьбу с Алой-Алицей, весенней царевной» [20, с. 53].

В сказках «Соломенный жених», «Странник и змей» любовь оборачивается гибелью человека, потому что она обращена к другому существу – представителю иного мира.

Овинник – мифологический хозяин овина, живет в нем за печкой, может иметь вид большого черного кота с горящими глазами [12, с. 494; 13, с. 57]. С описания черного кота и начинается сказка Толстого «Соломенный жених»:

«Внизу овина, где зажигают тепнины, в углу темного подлаза лежит, засунув морду в земляную нору, черный кот.

Не кот это, а овинник.

Лежит, хвостом не вильнет – пригрелся. А на воле – студено» [20, с. 54].

Овинник обычно помогает человеку, но, если его рассердить, он может напугать и навредить. Так происходит с девушками, греющимися внизу овина в подлазе, они задели овинника своими словами, чем вызвали его гнев. Успокоить и рассмешить старого овинника удастся сироте Василисе: вместо человека она подставляет рассерженному овиннику-коту сноп, а потом просит залечить разорванное им тело. Узнав про подмену, овинник не только не сердится, а наоборот, смеется и готов выполнить желание девушки. Василиса про-

сит его найти жениха, краше которого нет на свете. Кот любезно себя предлагает, обернувшись из черного кота белым. Василиса отказывается от жениха-кота, но принимает жениха из соломы, в которого овинник превращает ржаной сноп: «Василиса взяла человека за руку и вывела его из подлаза, из овина на лунный свет. И встал перед ней молодой жених в золотом кафтане, в шапке с пером» [20, с. 55].

Начало истории относится к осени: к разжиганию огня под овином для просушки снопов и молотье приступают в октябре. По мнению ученых, именины овинника приходятся на два дня в октябре: первый выпадает на Феклузаревницу – это 24 сентября (по старому стилю) / 8 октября (по новому стилю), а второй на Покров – это 1 /14 октября [3, с. 624; 13, с. 58]. Традиционно с Покрова начиналась также пора свадеб [26, с. 142]. Как считают этнографы, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы девушки шли в церковь, ставили свечку Богородице и просили у Нее хорошего жениха [26, с. 142]. В исполнении желания Василисы демоническим существом в чудесном женихе, не принадлежащем миру людей, заложена предпосылка к дальнейшему развитию сюжета и его трагической развязке.

Вначале молодой человек выглядит прекрасно и чувствует себя также хорошо, но с наступлением зимы он начинает тосковать, покидает дом и отправляется в дорогу в поисках тепла. В описании мороза как зимней стихии Толстой использует прием олицетворения: мороз сковывает землю, покрывает инеем соломенного жениха. Зимнее студеное солнце не только не греет, но оно само оказывается уязвимо: большой волк, символизирующий в сказке ночь, нападает на солнце. Наступившая темнота пугает, и мороз застужает, лишает сил, укутывая упавшего юношу снегом.

Можно обратить внимание на пространственные перемещения соломенного жениха: первоначально он находится в овине, где сушатся снопы, это естественный для него дом. Чудесным образом превращенный в человека, он покидает овин и переходит в дом к невесте – Василисе. Ее дом спасает от холода, но не защищает от тоски, для соломенного существа он остается чужим ему пространством. Он принадлежит другому миру – миру растений, природы. Дорога в поисках тепла (в данном случае природного, весеннего) становится возвращением в свою родную среду – землю.

Покинутая Василиса снова обращается к овиннику за советом, задабривая его пирогом. Овинник объясняет девушке: «Жених твой в озимое пошел» [20, с. 56]. Озимые – это высеиваемые осенью и зимующие под снегом зерновые. В словах овинника есть четкое указание на истинный смысл происходящего – гибель соломенного жениха: в землю зерном уйдет и прорастет рожью весной.

Дальше оwinник дает девушке совет: «Найдешь ты жениха в чистом поле, ляг с ним рядом, а что дальше будет – сама увидишь» [20, с. 56]. Пребывание под снегом соломенного жениха – это мнимая смерть, весной зерно прорастет новыми колосьями ржи, но для любящей его Василисы – это реальная смерть. Найденного юношу нельзя воротить домой – ни любовь, ни слезы девушки не могут вернуть его к жизни. Василиса выбирает смерть рядом с любимым, и мороз сковывает замерзающее тело девушки. В ее видении-смерти происходит весеннее преобразование природы: «И чудится ей – голубеет, синее небо, и из самой его глубины летит к земле, раскаляясь, близится молодое, снова рожденное солнце» [20, с. 56].

Весеннее солнце пробуждает к жизни соломенного жениха: «Заухали снега, загудели овраги, ручьи побежали, обнажая черную землю, над буграми поднялись жаворонки, засвистели серые скворцы, грач пришел важной походкой, и соломенный жених открыл сонные синие глаза и привстал» [20, с. 56]. В тексте сказки до этого эпизода не было указаний на цвет глаз героев, выскажем предположение, что произошедшее соединение соломенного жениха и любящей его девушки наградило его васильковыми глазами.

Сказку «Соломенный жених» можно отнести к этиологическим, объясняющим происхождение мира, человека, природных явлений, в данном случае объясняющим появление васильков во ржи и их название. Полевой василек относят к сорным растениям, он встречается в озимых хлебах, в основном во ржи, и отличается цветом своих лепестков: от ярко-голубого до лилового. В. А. Головкин считает, что мотив страдания нейтрализуется этиологической концовкой, и «метаморфоза героини становится альтернативой традиционного счастливого сказочного финала» [8, с. 133]. Сказка А. Н. Толстого повествует о силе женской любви, способности принести себя в жертву, чтобы соединиться с возлюбленным после смерти.

Сказка «Странник и змей» посвящена соблазнению огненным змеем земной женщины. Два главных героя принадлежат иному миру: странник божий и змей, только миры, к которым они принадлежат, прямо противоположные. В сказке есть указания на инобытийность, инаковость странника, оно присутствует в лексеме самого наименования: странный, не такой, как все. Кажется, что он не просто так зашел ко вдове, а как будто заранее знал, что к ней змей на блуд прилетает. Позднее мы узнаем о его способности к оборотничеству. Главная героиня называет его странником божьим, в языческом мире сказок Толстого это одна из немногих отсылок к христианству.

Вдова гостеприимно и радушно принимает его в своем доме: «Увидала странника Акулина, кинулась за ворота.

– Странник божий, взойди, сделай милость.

Взошел странник, сел на лавку. Угощает его вдова» [20, с. 57]. Д. Б. Дорофеев замечает, что «в духовной памяти народа укрепилась мысль о том, что за каждым странником может стоять сам Христос, а потому, принимая его, человек принимает самого Христа или его ангелов» [10, с. 74–75]. Хотя странник является нищим: «Полушубок на нем древний, из дыр овчина торчит, лыковая котомка за плечами» [20, с. 57], – но он не простой нищий. В сказке Толстого это калика перехожий, народный певец и сказитель, в доме вдовы он поет песню, а на посиделках его просят сказку рассказать или песню спеть. В. И. Даль пишет, что калика в песнях и сказках – это паломник, странник; богатырь во смирении, в убожестве и богоугодных делах; нищий, распеваящий стихи, псалмы, духовные песни [9, с. 77].

И. Г. Прыжов в очерке по истории нищенства отмечает, что «на нищих перешли черты древних мифических лиц, и поэтому сами нищие явились хранителями некоторых вещей словес древнего времени» [17, с. 143]. Странники воспринимались как народные святые, несущие слово божие и знание о мире. Поэтому Акулина спрашивает его о счастье: не слышал ли странник о нем, «лежит, говорят, оно в океане, под горячим камнем» [20, с. 57]. Ответом становится песня об алатырь-камне, который у синего моря выпрашивает белая рыба. Алатырь (латырь) или бел-горюч камень часто упоминается в сказках и заговорах, он лежит на дне морском, несет исцеление, из-под него текут реки с живой водой, говорят, он исполняет желания. С ним надежду на счастье связывает главная героиня сказки – тоскующая вдова, живущая без мужа, по-видимому, давно, недаром странник спрашивает ее: «Ну, а ты, милая, все – маешься?» [20, с. 57].

Л. В. Виноградов считает, что тоска по умершему является причиной, по которой летающий змей по ночам навещает вдов или одиноких женщин [6, с. 317]. По народным представлениям, это происходит тогда, когда человек превышает дозволенные нормы оплакивания смерти близкого ему человека. П. А. Бороздина пишет: «Считалось, что предаваться горю после кончины близкого человека можно только в течение сорока дней (пока душа покойного находится рядом с живыми). После сорока дней нарушивший правила человек попадает во власть нечистого духа, который, прилетев во двор дома в виде Огненного змея, принимает облик любимого человека» [5, с. 4]. Вдова тоскует и печалится, в начале сказке говорится, что она горемычную песню поет, поэтому к ее дому подходит странник. Для нее он благодетель, способный облегчить ее душевную муку. Кроме этого, исследователи отмечают пророческий дар, обладание чудесной, целительной силой и тайным, магическим знанием, свойственные каликам перехожим [18, с. 15]. Так, странник в сказке Толстого

оказывается способен успокоить человеком своим прикосновением: «Погладил ее по голове странник, и затихла молодая баба» [20, с. 57]. Акулина открывается и рассказывает ему об огненном змее и своей кручине: «Такая маета – сказать не можно: сушит змей белое мое тело, сосет сердце, ночи до утра глаз не смыкаю, а в полночь свистнет над крышей, рассыплется искрами и встанет на дворе – не зверь, не человек... <...> Страшно мне, ночь придет, сама ко врагу потянусь, а днем руки бы на себя наложила» [20, с. 57]. Она понимает, что ее связь со змеем противоестественна и гибельна, поэтому она напугана. Но в ночное время отступают все сдерживающие факторы, и женщина не в состоянии устоять перед змеем-любовником.

На вечерних посиделках Акулина мается в одиночестве и, едва заслышав свист змея, выбегает к нему, удержать рвущуюся к своему соблазнителю женщину у странника не получается. Летающий змей – существо потустороннего мира, связанное с умершими и нечистой силой [6, с. 318]. Он способен к оборотничеству, обычно превращается в человека, может принимать образ покойного мужа. В сказке Толстого он показан в своем истинном обличье: «И со свистом, как от тысячи птиц, закружился над двором черный змей, раскинул крылья, опустился на снег.

Встал на лапы, лебединую голову протянул к Акулине и языком облизнул ей белое лицо» [20, с. 59].

Странник ударил змея лестовкой, после чего тот рассыпался зерном. Лестовка – это кожаные четки у раскольников и старообрядцев с кистью кожаных лепестков [9, с. 253]. Отсылка к старообрядчеству важна. Старообрядцев воспринимали как образец истинной религиозности, в вере которых сохранилось живое религиозное чувство [14, с. 58; 15, с. 70]. Они носители нравственных ориентиров, хранители народного идеала истинного благочестия, духовных ценностей, посредники между земным миром и иным миром, обладают тайными знаниями, магией. Внутри старообрядчества сложилось течение странников или бегунов [10, с. 78; 11, с. 470], они выбирают бегство и странничество как образ жизни в силу как объективных, так и субъективных причин. Например, чтобы избежать контактов с чужой верой и сохранить истинное благочестие, а также избежать гонений и скрыться от государственной власти [15, с. 74]. К таким странникам-бегунам и относится герой сказки Толстого.

Он сражается со змеем старинными православными четками – лестовкой. Шьется она в виде плетеной кожаной ленты, соединенную в форму петли, в начале которой четыре треугольника, сшитые попарно. Лестовка имеет свою символику, например, треугольная форма лапосток (лопастей) в честь святой Троицы, сами лапостки символизируют четырех евангелистов. Лента собира-

ется в виде ступенек и представляет собой лестницу (лестницу) духовного восхождения человека в своих молитвах от земли на небо, образ вечной и непрестанной молитвы [7, с. 158–159]. Фактически странник вступает в бой со змеем молитвой, в старину в каждой такой ступеньке лестовки находилась молитва в виде свитка.

Один из самых известных святых змеборцев – Георгий Победоносец. В народе его называли Егорием Храбрым. В духовных стихах святой Егорий словом превратил огненного змея в змеенышей, в древних легендах святой также одерживает победу над змеем бескровно, только при помощи молитвы [4, с. 293]. Картина встречи странника и змея сюжетно близка к иконографии Георгия Победоносца: дева, змей и святой Георгий в сказке Толстого преображаются во вдову, одержимую губительной страстью к демоническому существу, летающего змея и странника божьего. Три героя в близкой расстановке: один губитель, другой спаситель и третий персонаж – жертва, только события происходят в жанре сказки, а не в формате иконы. Разворачивается символическое противостояние добра и зла: змей или дракон – это традиционное изображение дьявола, что находит свое отражение в цвете и свете: вокруг ночь, темное небо – это пространство змея, черный змей опускается на белый снег; белый цвет и белая земля являются пространством странника.

На весну и зиму приходятся дни памяти святого Георгия Победоносца. События сказки можно отнести к началу зимы: Зимний Егорий или Юрьев день отмечается 26 ноября / 9 декабря. К этому времени завершаются сельскохозяйственные работы и молодежь собирается на посиделки, на которые зовут Акулину и приглашают странника.

После удара странника змей рассыпался просом, а сам странник обернулся петухом и стал клевать рассыпанное зерно. Петух издревле наделяется способностью противостоять демоническим силам. Охваченная страстью женщина видит в нем своего губителя и пытается уничтожить петуха, а не змея. В финале сказки странник превращает юношей, девушек и несчастную вдову в деревья: «Вместо девушек – березы в инее, парни – ели, а Акулина – ива плакучая, вся в сосульках» [20, с. 59]. Такое превращение несет не гибель, а спасение: от посещения змея женщины чахнут, сохнут, болеют и умирают, связь со змеем – греховная связь, теперь вместо ада ей дарована жизнь на земле в образе дерева. И все-таки, пусть не окончательная смерть, но это смерть для людей. Их превращение в деревья является наказанием вдове за связь со змеем, юношам и девушкам за поимку петуха, в которого обернулся странник, ведь тем самым они помешали уничтожить змея.

Победить змея пока не получилось, но у странника нет отчаяния, он улыбается, а глаза его сияют: «Много еще мне исходить осталось, увертлив змей, не пришло его время» [20, с. 59]. Д. Б. Дорофеев говорит об особых отношениях странников с пространством и временем. Странник всегда в движении, в поиске, он «живет в пути», поток времени для него не имеет границ, время перестает быть «временностью» и становится «вечностью» [10, с. 84, 85]. Встреча и битва странника со змеем впереди.

Сказка «**Звериный царь**» заканчивается счастливым браком для главного героя, а ее содержанием становится обряд инициации. Главный герой – это неприметный мужичок с локоток, жизнь которого меняется после встречи с анчуткой. У мужичка ни кола, ни двора, приютился у соседа за печкой, помогает ему немножко, этим и живет. Но чужой хлеб горек, от тоски и безысходности плакать хочется. Неожиданная просьба анчутки и его ответная благодарность спасают бедного мужичка.

Анчуткой беспятым называют маленького черта, это злой дух, поэтому мужичок с локоток его при встрече боится. Но анчутке самому нужна помощь, и он просит мужичка: «Достань золы из-под печки; мне через порог перейти нельзя, а золы надо – тещу лечить, – плоха, объелась мышами» [20, с. 61–62]. По-видимому, избу домовой охраняет, поэтому в нее ход для чертенка закрыт. За оказанную помощь он предлагает мужичку деньги, но тот от такого подарка отказывается и просит наградить его силой. Анчутка предлагает отправиться к звериному царю, царство которого находится глубоко под землей. Путь туда и пребывание там можно рассматривать как обряд инициации. Мужичок оказывается таким небольшим, что пролезает в крысиную нору, которая ведет вниз. Крысиная нора может быть вариантом пролезания через животное при инициации, а переправа на лодке через реку традиционно понимается как преодоление границы между мирами. Сам путь непрост: тесная нора, быстрая река, из которой страшные морды выглядывают, в темноте над головой совы и мыши летают. Так мужичок попадает в потусторонний мир. На ясной поляне у высоченного дерева в окружении зверей и птиц сидит звериный царь – сказочное существо, являющееся частью природного мира: «Вместо рук у царя – лопухи, ноги вросли в землю, на красной морде тысяча глаз» [20, с. 62]. Теперь у него мужичок просит силы – «осьмухи хватит».

В. Я. Пропп, описывая обряд инициации, замечает: «Мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком. Это – так называемая временная смерть. Смерть и воскресение вызывались действиями, изображавшими поглощение, пожирание мальчика чудовищным животным.

Он как бы проглатывался этим животным и, пробыв некоторое время в желудке чудовища, возвращался, т. е. выхаркивался или извергался. Для совершения этого обряда иногда выстраивались специальные дома или шалаши, имеющие форму животного, причем дверь представляла собой пасть» [16, с. 39]. То же самое происходит в сказке Толстого с мужичком с локоток. Он три дня просидел в животе у звериного царя, присосавшись к его пуповине. В результате герой не приобретает какие-то магические свойства или знания, а он сам преобразуется: «Вылез мужичок, да уж не с локоток, а косая сажень в плечах, соболю брови, черная борода» [20, с. 62]. Получился сказочный писанный красавец. Он изменился так, что встреченные им девушки его не узнают. Это не просто обретение нового облика, а он как будто заново родился, вернулся новым человеком. В начале сказки мужичок плакал с тоски, а в конце он весел, шутит с девушками. «Одно из назначений обряда было подготовить юношу к браку», – пишет В. Я. Пропп [16, с. 85]. Фактически пиром и свадьбой заканчивается сказка Толстого.

Таким образом, в двух сказках из четырех показан счастливый конец в духе народных сказок, в двух – гибель и перерождение человека. Свадьба predetermined поведением главных героев, выдержавших испытания: Иван-царевич преодолевает ледяной мост, проникает в белый терем жижа, несмотря на пугающие оскалившиеся медвежьи головы на башнях терема и убивает демоническое существо, освобождая Алюю-Алицу из плена. Ее спасение – это также своеобразный ритуал проводов зимы и наступления весны. В сказке «Звериный царь» мужичок с локоток отзывается на просьбу анчутки и решается последовать его совету. Путь в подземное царство и пребывание в нем – испытание и в то же время таинство инициации, перерождающее героя. И Иван-царевич, и мужичок с локоток не выказали страха, не отступили, свадьба становится им наградой. А вот с женщинами все сложнее. Каждая из героинь Толстого испытывает сильные чувства не к человеку, а к иным существам. У Акулины – страсть к огненному змею и, хотя она понимает, что это противоречивая связь, грех, но отказаться от нее не может, страсть оказывается сильнее. Василиса в зимней степи рядом с возлюбленным замерзает. Их смерть не является окончательной: Акулина превращена в иву плакучую, Василиса возрождается в васильках во ржи, но это жизнь другого рода – дерева, растения, не человека, для которого возрождения или перерождения не предполагается. И все-таки писатель снимает чувство боли от утраты, не гибелью человека заканчиваются сказки. В «Соломенном женихе» проходящие мимо люди радуются, что заколосилась рожь, любуются красотой цветущих васильков. В конце сказки «Странник и змей» странник улыбается, а его глаза сияют,

он готов к новой дороге и встрече с врагом. Все метаморфозы, которые произошли с человеком, обернулись для него благом: избавлена от страданий ада Акулина, ее душа продолжает жить на земле в иве плакучей, Василиса цветами прорастает рядом со своим возлюбленным.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Весна // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. Т. 1. С. 348–352.
2. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
3. Агапкина Т. А., Плотникова А. А., Валенцова М. М. Сентябрь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. Т. 4. С. 621–625.
4. Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. XII. С. 292–310.
5. Бороздина П. А. Огненный змей (о быличках с Перво Касимовского района Рязанской области) // Народная культура и проблемы ее изучения: сб. статей. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. С. 3–7.
6. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
7. Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. 317 с.
8. Головки В. А. Народная этиология в «Русалочьих сказках» А. Н. Толстого // Юбилейное: вопросы истории, поэтики, интерпретации русской и зарубежной литературы: сб. трудов ученых-филологов КубГУ, посвященный литературным юбилеям: писатели, ученые, книги / под ред. д-ра филол. наук, проф. Е. А. Жирковой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 130–136.
9. Даль В. И. Словарь великорусского живого языка. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. Т. 2.
10. Дорофеев Д. Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Культурология. 2010. № 1(52). С. 63–87.
11. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М.: Церковь, 1995. Электронный ресурс. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/russkoe-staroobryadchestvo-duhovnye-dvizhenija-semnadtsatogo-veka/> (дата обращения: 01.02.2021).
12. Левкиевская Е. Е., Плотникова А. А. Овин // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под редакцией Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. Т. 3. С. 493–495.
13. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.
14. Меняйленко М. К. О социальном значении духовного опыта старообрядчества // Старообрядческая культура Русского Севера Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции / науч. ред. и сост. Н. И. Решетников; науч. конс. Н. А. Кобяк. М.; Каргополь, 1998. С. 56–60.
15. Никитина С. Е. Пути-дороги в жизни и духовных стихах старообрядцев Русского Севера // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 68–82.
16. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 364 с.
17. Прыжов И. Г. Очерки русского быта / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2017. 640 с.

18. Сгибнева Н. Ф. Нищета как духовное спасение и социальная драма в древнерусской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.
19. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. Вып. 9.
20. Толстой А. Н. Полн. собр. соч. в 10 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 8. Произведения для детей.
21. Толстой А. Н. Приворот. М.-Пг.: Госиздат, 1923. 86 с.
22. Толстой А. Н. Сорочьи сказки. СПб.: Общественная польза, 1910. 119 с.
23. Топорков А. Л. Солнце // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 442–443.
24. Фразеологический словарь русского языка: в 2 т. / сост. А. Н. Тихонов. М.: Рус. яз. Медиа, 2007.
25. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1.
26. Шангина И. И. Русские девушки. СПб.: Азбука-Классика, 2007. 346 с.
27. Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: АСТ; Астрель; Русские словари, 2003. 624 с.

References

1. Agapkina T. A. *Vesna* [Spring] *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' / pod redakciej N. I. Tolstogo* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / edited by N. I. Tolstoy]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 1999. T. 1. Pp. 348–352 (In Russian).
2. Agapkina T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenneletnij cikel* [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow: Indrik, 2002. 816 p. (In Russian).
3. Agapkina T. A., Plotnikova A. A., Valencova M. M. *Sentyabr'* [September] *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' / pod redakciej N.I. Tolstogo* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / edited by N.I. Tolstoy]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2009. T. 4. Pp. 621–625 (In Russian).
4. Alpatov M. V. *Obraz Georgiya-voina v iskusstve Vizantii i Drevnej Rusi* [The image of George the warrior in the art of Byzantium and Ancient Rus] *Trudy otdela drevnerusskoj literature* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. T. XII. Pp. 292–310 (In Russian).
5. Borozdina P. A. *Ognennyj zmej (o bylichkah s. Pervo Kasimovskogo rajona Ryazanskoj oblasti)* [The fiery serpent (about bylichki village Pervo, Kasimovsky district, Ryazan region)] *Narodnaya kul'tura i problemy ee izucheniya. Sbornik statej* [People's culture and problems of its study. Digest of articles]. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2009. Pp. 3–7 (In Russian).
6. Vinogradova L. N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya tradiciya slavyan* [Folk demonology and mytho-ritual tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik, 2000. 432 p. (In Russian).
7. Vurgaft S. G., Ushakov I. A. *Staroobryadchestvo. Lica, predmety, sobytiya i simvoly. Opyt enciklopedicheskogo slovarya* [Old Believers. Persons, objects, events and symbols. Encyclopedic Dictionary Experience]. Moscow: Cerkov', 1996. 317 p. (In Russian).
8. Golovko V. A. *Narodnaya etiologiya v «Rusaloch'ih skazkah» A. N. Tolstogo // YU-bilejnoe: voprosy istorii, poetiki, interpretacii russkoj i zarubezhnoj literatury: sbornik trudov uchenyh-filologov KubGU, posvyashchennyj literaturnym yubileyam: pisateli, uchenye, knigi / pod red. d-ra filol. nauk, prof. E. A. Zhirkovoj* [Folk etiology in "Little Mermaid Tales" by A. N. Tolstoy // Jubilee: Issues of History, Poetics, Interpretation of Russian and Foreign Literature: a collection of works by philologists of KubSU, dedicated to literary anniversaries: writers, scientists, books / ed. Dr. philol. Sciences, prof. E. A. Zhirkova]. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2018. Pp. 130–136 (In Russian).

9. Dal' V. I. *Slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka* [Dictionary of the Great Russian Living Language]. St. Petersburg, Moscow: Izd-ie knigoprodavca-tipografa M. O. Vol'fa, 1881. T. 2 (In Russian).
10. Dorofeev D. B. *Fenomen strannichestva v zapadnoevropejskoj i russkoj kul'turah* [The phenomenon of wandering in Western European and Russian cultures] *Kul'turologiya* [Cultural studies] 2010. № 1(52). Pp. 63–87 (In Russian).
11. Zen'kovskij S. A. *Russkoe staroobryadchestvo. Duhovnye dvizheniya semna-dcatogo veka* [Russian Old Believers. Spiritual movements of the seventeenth century]. Moscow: Cerkov', 1995. Elektronnyj recurs. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/russkoe-starobrjadchestvo-duhovnye-dvizhenija-semnadsatogo-veka/> (data obrashcheniya: 01.02.2021).
12. Levkievskaya E. E., Plotnikova A. A. *Ovin* [Ovin] *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' / pod redakciej N. I. Tolstogo* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / edited by N.I. Tolstoy] Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2009. T. 3. Pp. 493–495 (In Russian).
13. Maksimov S. V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Unclean, unknown and cross power]. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1903. 526 p. (In Russian).
14. Menyajlenko M. K. *O social'nom znachenii duhovnogo opyta staroobryadchestva* [On the social significance of the spiritual experience of the Old Believers] *Staroobryadcheskaya kul'tura Russkogo Severa Tezisy dokladov i soobshchenij Kargo-pol'skoj nauchnoj konferencii / nauch. red. i sost. N. I. Reshetnikov; nauch. kons. N. A. Kobyak* [Old Believers culture of the Russian North Abstracts of reports and messages of the Kargopol scientific conference / scientific. ed. and comp. N. I. Reshetnikov; scientific. cons. N. A. Kobyak]. Moscow; Kargopol', 1998. Pp. 56–60 (In Russian).
15. Nikitina S. E. *Puti-dorogi v zhizni i duhovnyh stihah staroobryadcev Russkogo Severa* [Ways-roads in the life and spiritual verses of the Old Believers of the Russian North] *Kunstkamera* [Kunstkamera]. 2019. № 1 (3). Pp. 68–82 (In Russian).
16. Propp V. YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint, 2000. 364 p. (In Russian).
17. Pryzhov I. G. *Ocherki russkogo byta / otv. red. O. A. Platonov* [Essays on Russian life / otv. ed. O. A. Platonov]. Moscow: Institut russkoj civilizacii, 2017. 640 p (In Russian).
18. Sgibneva N. F. *Nishcheta kak duhovnoe spasenie i social'naya drama v drev-nerusskoj literature: avtoref. diss. ... k.fil.n.* [Poverty as spiritual salvation and social drama in ancient Russian literature: authoref. diss. ... Ph.D.]. Ekaterinburg, 2007. 23 p (In Russian).
19. *Slovar' russkih narodnyh govorov / gl. red. F. P. Filin* [Dictionary of Russian folk dialects / Ch. ed. F. P. Filin] Lenindrad: Nauka, Leningr. otd.-nie, 1972. Vyp. 9 (In Russian).
20. Tolstoj A. N. *Poln. sobr. soch. v 10 t.* [Full collection op. in 10 t.]. Moscow: Hudozh. liter., 1985. T. 8. Proizvedeniya dlya detej.
21. Tolstoj A. N. *Privorot* [Love spell]. Moscow-Petrograd: Gosizdat, 1923. 86 p.
22. Tolstoj A. N. *Soroch'i skazki* [Magpie tales] St. Petersburg: Obshestvennaya pol'za, 1910. 119 p. (In Russian).
23. Toporkov A. L. *Solnce* [Sun] *Slavyanskaya mifologiya. Enciklop. slovar'* [Slavic mythology. encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 2002. Pp. 442–443 (In Russian).
24. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 2 t. / sost. A. N. Tihonov* [Phraseological dictionary of the Russian language: In 2 volumes / comp. A. N. Tikhonov]. Moscow: Rus. yaz. Media, 2007 (In Russian).
25. CHernyh P. YA. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vol.]. Moscow: Rus. yaz., 1999. T. 1 (In Russian).
26. SHangina I. I. *Russkie devushki* [Russian girls]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2007. 346 p (In Russian).
27. SHaparova N. S. *Kratkaya enciklopediya slavyanskoj mifologii* [Brief Encyclopedia of Slavic Mythology]. Moscow: AST; Astrel'; Russkie slovari, 2003. 624 p (In Russian).